

храминами и хлевинами»; <sup>117</sup> Питирим также жаловался на то, что раскольники «наименовали бо святую церковь конским стоящим, овошным хранилищем и вавилонскою блудницею». <sup>118</sup> Дмитрий Ростовский не только повторял слова о том, что раскольники называют церкви «пустыми храминами и хлевами», <sup>119</sup> но и пытался в меру своих знаний проследить истоки этих антицерковных идей в русских реформационных движениях прошлого: «... разве токмо некия ереси мало проявляхуся и хуляху церкви святыя, простыми их храминами и хлевами нарицающии, какови бяху от Пскова стриголники ... от великаго же Новаграда новии жидове, а ныне тацци суть брыняне (раскольники, — А. Р.) хулителе церкви божиих, учащие народ не приходити к церквам на молитву». <sup>120</sup>

\*

Для социально-политической оценки идейной позиции Аввакума и современного ему движения раскола большую ценность представляют те характеристики этого движения, которые на протяжении многих лет давались ему в печати его крупнейшими идейными противниками — защитниками интересов государственной церкви и царской власти. Эти характеристики не были неизменными, их социальное содержание постепенно углублялось, а полемический накал возрастал по мере развития самого движения раскола и вызванной им общественной борьбы.

Первоначально оценка раскольников со стороны иерархов церкви носила несколько отвлеченный характер — они осуждались как «невежды», не способные понять всей мудрости и целесообразности реформ патриарха Никона. Первым в печати такое мнение выразил Епифаний Славинецкий <sup>121</sup>

В этот период, действительно, споры вокруг только что начавшихся реформ Никона носили внутрицерковный обрядово-богословский характер и социальные основы протеста против них оставались скрытыми от самих его носителей.

Такая характеристика раскола со стороны правящих феодальных кругов продолжала в основном держаться и на соборе 1666—1667 гг., в оформлении материалов которого принимал непосредственное участие Симеон Полоцкий. Созванный царем Алексеем Михайловичем этот «святой» собор, а по оценке Аввакума — «лукавая сонмища» (275), с прибытием в Москву двух «всеенских» патриархов Паисия Александрийского и Мелетия Антиохийского, ряда греческих митрополитов и епископов и всех крупнейших иерархов русской церкви, был таким представительным церковным собранием, какого никогда не бывало в России ни до него, ни впоследствии. В опубликованном в 1667 г. в составе «Служебника» и распространенном по всем русским епархиям сборником «Свитке» были всенародно объявлены имена преданных проклятию, но смело стоявших на своем вождей раскола: «... а та клятва и проклятие ... возводится ныне точию на Аввакума, бывшего протопопа, и на Лазаря попа, и Никифора, и Епифанца чернца солосвецкаго, и Феодора диякона, и на прочих их единомысленников и со-

<sup>117</sup> Увет духовный, лл 12 об, 142

<sup>118</sup> Пращица духовная, л. 11.

<sup>119</sup> Дмитрий Ростовский Розыск о раскольнической брынской вере, л. 94. Еще раньше Дмитрия Ростовского попытки установить подобные истоки еретических взглядов раскольников предпринял Игнатий Тобольский (Игнатий Тобольский, стр. 165—166 и др.), данная проблема требует специального изучения.

<sup>120</sup> Дмитрий Ростовский Розыск о раскольнической брынской вере, л. 96

<sup>121</sup> Скрижаль М. 1655, стр. 13—14, 15